

«ЖУРАВЛИНЫЕ ПЕРЬЯ»

Японская сказка на сцене областного ТЮЗа

МОСКОВСКИЙ областной театр юного зрителя, не раз обращавшийся к сокровищнице народного творчества, заинтересовался теперь поэтичной японской сказкой, отражающей гуманные чувства простых тружеников, их светлые чаяния и надежды. И вот мы смотрим «Журавлиные перья», пьесу выдающегося современного японского драматурга, одного из прогрессивных общественных деятелей, борющихся за мир, — Зюндзи Киносито, недавно посетившего Москву.

В его пьесе использованы мотивы старинной легенды. Она родилась в занесенных снегами хижинах горных селений, где долгими зимними вечерами японские женщины искусно ткали тончайшее полотно. За ткацким станком сказывалось и напевалось предание о журавле, раненном стрелой охотника и спасенном юношей — бедняком Иохю, предание о том, как обернулся журавль прекрасной девушкой по имени Цу, как полюбила она своего спасителя и стала ему преданной, нежной женой.

Однажды соткала Цу из перьев своих журавлиных чудесное полотно, и зажили они счастливо и безбедно. Но жадные скупщики полотна Содо и Ундзу, мечтая разжиться на перепродаже драгоценной ткани, заразили корыстолюбием слабого Иохю. И приказал он Цу: «Вернись снова за работу! Мне нужен еще кусок такого полотна. Я съезжу в столицу и выручу за него уйму денег». Цу исполнила

злое желание. «Я вложила в это полотно все сердце, все перья свои... Оставила лишь столько, чтобы можно было взлететь», — сказала она и, обернувшись птицей, улетела, растаяла в небе.

Улетело счастье, растаяла любовь. Их изгнала алчность, растопила корысть. Благородный моральный смысл пьесы органично, ненавязчиво пронизывает весь спектакль, талантливо поставленный главным режиссером театра Виталией Фридан в содружестве с художником П. Беловым, композитором Н. Цвиренко, балетмейстером С. Островской.

В япономом фольклоре змеи и журавли превращаются в людей: змеи — в злых, журавли — в добрых. Журавль — символ счастья. Добротой и счастьем светится образ Цу, созданный артисткой Е. Нюхиной. Своеобразием костюма, обуви, прически помогли ей постановщики выглядеть фантастическим существом, казаться легче, выше, воздушнее людей. Женщина-птица, она устремлена ввысь, вот-вот взлетит. Цу — Нюхина — вся нежность, вся сердечность. Потому

к ней так льнут дети, как бы олицетворяющие светлые, чистые чувства, владеющие крылатой душой Цу.

И рядом — земные фигуры людей. Они потребовали иных, реалистически-бытовых сценических красок, а от артиста Ю. Сосновского, кроме того, еще и умения раскрыть борьбу чувств в душе Иохю: радостной, благодарной любви к Цу с темными инстинктами собственника, тянущегося за призраком богатства. Молодой актер верно, взволнованно решает свою сложную задачу. А вот из двух скупщиков полотна убедителен только Ундзу в исполнении В. Добкина. Есть здесь национальная и социальная правда характера жадного, но осмотрительно-осторожного, вежливо-настоящего хищника. Артист же Л. Корсунский чересчур прямолинейно разоблачает жестокость спекулянта Содо и, главное, ни чуточку не похож на японца.

Кое-где, особенно в своей первой половине, спектакль нуждается в убыстрении ритма диалогов и даже в текстовых сокращениях. В целом же его благородные мысли и чистые чувства прозрачно-ясны и для взрослых и для юных зрителей. Они горячо аплодируют этому поэтичному по форме и гуманному по своему внутреннему смыслу спектаклю, который служит делу культурного сближения и развитию дружеских контактов между советским и японским народами.

М. БЕРТЕНСОН.

Ленинское знамя
г. Москва 1962, 1 апреля